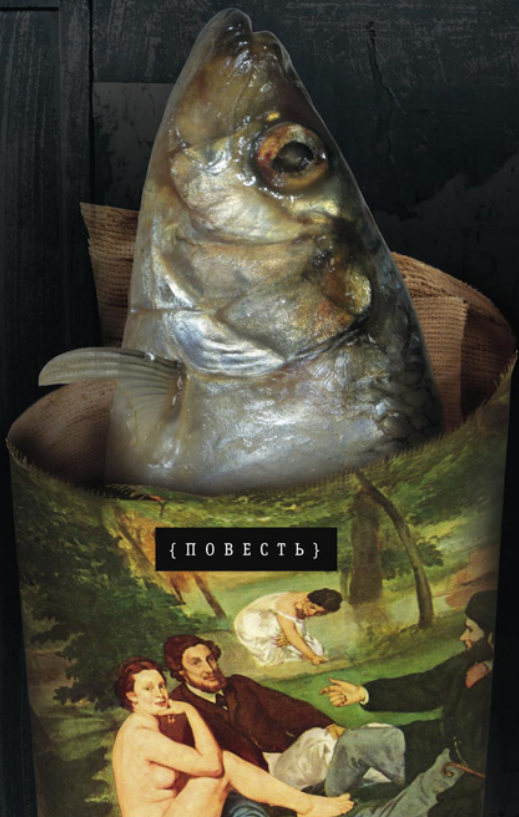

в л а д и м и р к а з а к о в

РОМАН
ФЛОБЕРА

для тех,
кто умеет
читать

{ П О В Е С Т Ъ }

Владимир Игоревич Казаков

Роман Флобера

Серия «Для тех, кто умеет читать»

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5825030

Казаков Владимир Роман Флобера: повесть. : ЗАО Издательство

Центрполиграф; Москва; 2013

ISBN 978-5-227-04424-2

Аннотация

Свою новую повесть известный писатель Владимир Казаков называет лирическим фарсом нового века. Это смешная и трагичная история любви. Неудачная попытка взрослого человека сыграть по юношеским правилам, прыгнуть в последний вагон «нормальной» жизни оборачивается для него разочарованием. Но герой не унывает, продолжая жить своей жизнью, смеясь над миром и собой. Вся история разворачивается на фоне судьбы юной проститутки, влюбленной в героя, которую он решил шутки ради перевоспитать. Вечная история Пигмалиона с поправкой на беспомощность, неподготовленность героя к современной жестокой реальности. Автор не ставит точку в повествовании, наверное, все кончается, как и должно кончиться, то есть хорошо.

Содержание

Первая глава	5
Вторая глава	20
Третья глава	32
Четвертая глава	42
Пятая глава	57
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Владимир Казаков

Роман Флобера

© Казаков В.И., 2013

© ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2013

© Художественное оформление, ЗАО «Издательство
Центрполиграф», 2013

Первая глава

Из-за навязчивой жары в столице стало жить грустно. Философические письма из мобильника мозг регистрирует только в комнате с кондиционером. Кривая изнасилований резко пошла вниз. Хотя волочащиеся по улицам женщины по большей части прикрывают наготу лишь солнцезащитными очками, даже самые отъявленные маньяки откровенно игнорируют свои обязанности, с отвращением наблюдая потные девичьи тела.

Домашние животные перестали потреблять вискас и валяются по углам. Желая хоть как-то облегчить участь своего кота, решил на днях его подстричь. Нельзя с такими меховыми излишествами существовать при тридцати пяти градусах в тени. Позвонил в ветеринарную службу. Девчушка терпеливо выслушала мою бредятину и голосом певицы из древнедевьяностых ответила:

– Жара! – и повесила трубку.

Уже избитых два часа, слушая ФМ на мобиле, я лежал в полном обмундировании, то есть в джинсах и майке, в фонтане у Никитских ворот. Ну, там, где игрушечный Пушкин с не менее вертлявой Натальей Николаевной. Хороший такой фонтан, мелковат, конечно, но мое тщедушное тело как раз удачно поместилось в это небольшое корытце. Правда, поверх воды торчали самые ответственные места – голова и

задница, но это уже не важно.

Еще со времен прямохождения на горшок я запомнил фразу из «Золотого ключика»: «В самую жару начальник полиции Страны дураков лежал в ванне и пил лимонад».

Каково?! Ведь здорово, в жару, в ванне. Потом еще и в любимом мультике про Чебурашку есть другая гениальная фраза: «Крокодил Гена работал в зоопарке крокодилом».

И кадры – Гена заходит в зоопарк в пальто и шляпе, перед бассейном раздевается, аккуратно вешает одежду на крючок и бултых... А вечером, после закрытия, вылезает из воды, надевает пальто и шляпу, прощается за руку со зрителем и уходит. Кайф, а не работа!

Все утро я, мучимый похмельной жарой, шлялся по центру с надеждой претворить весь этот бред в реальность. Сначала присмотрел бассейн с церетелиевскими коняшками на Манежке, но там слишком людно и пафосно. Зашкаливает избыток идиотских японцев с самурайскими фотокамерами.

– Осень карасо, осень карасо...

А вот здесь, у Никитских ворот, – то, что надо. Спокойно. Даже можно сказать, благодушно. Если это слово вообще подходит к остервенелому внешнему и внутреннему пеклу.

Ну, доводит меня до истерики эта жара! Плюс вчерашнее безумие после получения очередного гонорара. Плюс категорические мысли о маразме личной и общественной жизни. Плюс – сам идиот. Или это минус?!

Сорок шесть лет дебилу, а дурь так и прет! Что я вообще

полезного сделал в жизни? Ни-че-го. Как там говорили классики, к моему возрасту Лермонтов, считай, уже двадцать лет как в могиле, а Медведев, пацан, вообще президент! А я что? Написал тонну идиотских статей? Никому на фиг не нужных. Черт бы подрал эту журналистику, где я горбачусь с двадцати пяти лет! Как там, у Ильфа с Петровым: «А где жена, дети, где Серна, где дети от Серны?!»

Ни шиша! Скорее всего, у меня произошел сбой программы и сразу после детства резко наступила старость. А этой самой, как ее, зрелости так и не было!

«Половой, блин!» – прыгнула мысль.

Точно, точно! Вчера же эта шлюха свистнула у меня деньги! Как ее звали, Валя, Вика... Я еще сказал ей, что она в целом симпатичная и напоминает мне запойную Элизабет Тейлор. Она еще ответила, что, мол, ты тоже ничего, хоть пожилой, но с головой. Это я-то пожилой?! За такое хамство я чуть было не удавил ее резинкой от ее же трусов, но вовремя отрубился.

Шевелясь от нахлынувшей прострации, я забулькал водой в джинсовых карманах, солнце в ответ немедленно шандарахнуло по башке, и я опять затих.

«В зоомагазинах Лондона, по требованию общественности, категорически запретили продажу слонов, сообщает Ассошиэйтед Пресс», – брякнуло мне в ухо радио в мобильнике.

– О-о, как же плохо. – В синей ряби солнца мне уже ви-

делись вереницы трусливых слонов с жалостливыми слонятами, стремительно набирающие высоту в московском небе. Скрючившийся надо мной Александр Сергеевич вдохновенно махал им вслед.

«Долларов семьсот свинтила, не меньше. Хорошо, что я хоть не все деньги с собой в гости взял к Сашке. На Шаболовку. А он куда смотрел! Он же, идиот, ее по газете выписывал! Ладно, надо вычеркивать эту ересь из мозгов. Мысли, мысли, мысли... О чем бы подумать о хорошем? Ага, вот оно! Значит, так, вот, например, тут, совсем рядышком, на Тверском бульваре, стоит здоровенный дуб. Даже цепочкой с вывеской огорожен. Мол, ему то ли триста, то ли пятьсот лет, – трепетал мозг. – Значит по идее он должен помнить Пушкина. Наверняка!»

Чтобы удостовериться, я опять задрал голову и посмотрел на бронзового фонтанного поэта. Успокоившись, что он на месте, стало быть, косвенно подтверждает правоту моих изысков, опять шлепнулся в воду.

«Значит, так, Пушкин гулял по Тверскому бульвару. Как там, в «Евгении Онегине», – «...и стаи галок на крестах...». Нет, это не то. Как жалко денег-то! Да поздно! Итак, тут рядом, в районе Маяковки, жил его друг Пущин. Или не Пущин. Или Нащокин. Ай, да какая разница! Пущин в данном моменте как-то созвучней, что ли... Значит, так, они, естественно, шляются по бульвару туда-сюда. Выпить хочется. У Пушкина на Арбате – нельзя, Наталья Николаевна звереет,

мол, медовый месяц, а в квартире бардак и одна алкашня. У Пущина тоже какие-то недомолвки в виде тещи. Короче, прислонились они к дубку и давай квасить. А стакан, по старой русской привычке, на сучок повесили. С тех пор, когда Пушкин наезжал в старую столицу, они с Пущиным наперегонки шасть к заветному дереву. И стакан всегда на месте. Может, и сейчас где-нибудь на нем, высоко-высоко, где седая зелень дуба переходит в синь небес, до сих пор висит тот самый заветный аршин, освященный гением русской словесности.

«Так, наверное, сходят с ума!» – радостно подумалось мне.

И в этот момент, отвлекая от безумия, забубнила мобила.

– Меркулов, ты?

– Не уверен.

– Это я, ёшкин кот! Марина! Голикова!

– Да узнал, узнал. Что интересного поведаешь, как жизнь пристекает и вообще... Типа, какова селява?

– Об этом потом. Ты должен, нет, просто обязан прискакать сегодня на празднование Нового года! Клуб «Гвозди». На Большой Никитской. Знаешь?

В голове опять застервозилось и застрекотало похмелье. Или солнце. Нет, все-таки тысячу раз прав покойный Лев Николаевич Гумилев, утверждая, что весь бардак и всеобщий маразм происходят от вспышек на Солнце! Какой к чертям Новый год?!

– Э-э...

– Не сходи с ума. Преждевременно. Обычный Новый год. Одна водка, не помню как называется, празднует свою годовщину. То ли десять, то ли пятнадцать лет. Потом уточнишь. Ну и решили они устроить пьянку в виде Нового года. С елками и снегурками. Я договорилась, что для одного нужного журнала писать будешь именно ты. Все равно лучше тебя никто не напишет, уж я-то знаю, – продолжала стрекотать Марина, – опять же увидимся. Очень хочется заглянуть в твои пьяные глазенки. Ты вообще в пределах достигаемости?

– Марин, я в принципе совсем рядом, у Никитских ворот. Только у меня вид не очень потребный, как бы это сказать, чтоб никого не расстроить, ну типа говорящей половой тряпки, что ли, типа мокрый...

– Описался, что ли? – строго, по-училковски, спросила Марина.

– Ну, прям уж сразу описался, ты что?! – сделал попытку возмутиться я, хотя грамотно излагает! По теории, могло быть и такое. Знаем друг друга отлично. Считаю, уже три года играем в «неверэнддингстори», в бесконечную историю про неудавшуюся любовь.

– Просто, в конце концов, может взрослый человек в знойный полдень мирно полежать в фонтане?!

– Ничего из твоего бреда не поняла, короче, приводи себя в порядок и к пяти чтоб был!

Ну что, скоропостиженный Новый год в моем нынешнем

состоянии – это очень даже неплохо. Даже хорошо.

Я опять бултыхнул водой, пытаюсь найти удобную для лежания часть организма между подмышкой и ляжкой. Вдруг вспомнил, как когда-то праздновал Миллениум, Новый, 2000 год. По свидетельству окружающих, одновременно в трех разных местах. Причем все клялись и божились, что отмечали именно со мной. И у меня нет ни малейших оснований им не верить.

Короче, был такой ученый японец с, обхохочешься, фамилией Акутагава, который написал замечательный рассказец. Там по сюжету какую-то местную лярву прищучили. И куча свидетелей зуб дают, шапки об японский фатерлянд швыряют, мамой клянутся, что самолично, своими раскосыми глазами видели весь произошедший бардак. Но при этом несут абсолютно разные истории. У меня с тем Новым годом получилось то же самое. Единственное, я вроде никого не убил.

Сначала, где-то уже в середине января, тогдашняя моя любовь Лена Мясникова, эх, Лена, Лена, я бы сказал, патологически красивая женщина, где ты теперь, ау, рассказала мне примерно такую историю.

«Решила я справить Новый год с родителями. Семейный праздник. Опять же такая цифра – 2000, впечатляет! Время уже часов одиннадцать, наверное. С сестрой елку наряжаем. Вдруг звонок в дверь. Открываю – ты. Невменяемый. Бубу-бу, бу-бу-бу... Ну, что делать, пришлось тебя родителям представить, за стол усадить. Когда пробило двенадцать, ты

встал и произнес тост, в котором клятвенно пообещал жениться на мне, на моей сестре и на маме. Причем одновременно. После чего начал дико хохотать, называя моего папу тестем, свекром и шурином. Дальше ты вышел в маленькую комнату и, сняв с подоконника кактус, лег с ним в обнимку на родительской кровати. Часам к четырем ты неожиданно исчез, причем в папиных ботинках».

Примерно в те же дурацкие январские деньки позвонил старый приятель Андрюха и рассказал еще одну кровавую историю:

«Поехали мы с друзьями на Новый год, как обычно, в дом отдыха. В Аксаково. Сидим, попиваем, болтаем с девками. Вдруг открывается дверь и охранники вносят твое бездыханное тело. А времени как раз без четверти двенадцать. Ты очнулся и начал из всех карманов доставать фляжки с дагестанским коньяком. Потом под твоим руководством содрали пломбы с пожарных брандспойтов и решили поливать танцующих на дискотеке. Мол – Бразилия, карнавал. Затем ты орал, что являешься почетным цирковым тюленем, и, надев лыжи, пытался прямо в холле жонглировать телефонными аппаратами, стоявшими на ресепшне! Потом кто-то вызвал ментовку, мы тебя отбили, запихнули в машину к какому-то мужику, который обещал подбросить тебя до Москвы».

Но и этими историями тогда все еще не закончилось! В начале февраля объявился мой бывший однокурсник. Петька. И ехидно так спрашивает, ну как там, мол, Дина пожи-

вает... Какая Дина?! И он тут же поведал очередную сногсшибательную историю о том же самом Новом годе:

«Ты что, Меркулов, вообще ничего не помнишь?! Мы же на Новый год нашим курсом собирались. Инязовским. Ты был вполне даже ничего. Пьяный, конечно, но в костюме с галстуком. Тост произносил. О процветании пробкового дерева в провинции Алентежу на юге Португалии. Чтоб, мол, весь бывший советский народ мог от чистого сердца, одним движением пальца проталкивать пробки вовнутрь портвейновой бутылки. Все, естественно, наклюкались, а ты прямо за столом начал раздевать Динку. Твою институтскую любовь. Причем так деловито и капитально, сдирая юбку и трусы. Она еще вопила, типа я замужем, у меня двое детей! На что ты меланхолично бормотал: «Расстреляем, усыновим», – и продолжал ковыряться в ее тряпках. Уже под утро ты ее подхватил и куда-то поволок. Больше мы тебя не видели!»

С чего им в голову пришли такие мои новогодние выкрутасы, совершенно непонятно. Я же не индуистский бог, омерзительно синюшного цвета, Шива! Это же он, где-то я читал, вышел на променаж на какую-то местную дискотеку, увидел триста прекрасных пастушек и захотел их немедленно трахнуть. Для этого он, обезумев от страсти, растрехсотился, одолел каждую индивидуально, после чего собрался в себя обратно. Трансформер, мол. Но я же не такой! Не мог же я разделиться почкованием и побывать в трех местах одновременно! Даже в четырех. На самом деле, в чем, честно

говоря, уже откровенно сомневаюсь, я в тот Новый год вообще сидел дома с родителями!

«Да и вообще, нельзя верить в синего бога», – пришла мне в голову первая здравая мысль за все утро. Или уже день?!

Как Ихтиандр, выходящий из пучины вод, я выполз из фонтана и зашлепал в направлении Тверского бульвара. Шпионские следы на асфальте, чуть воспарив, мгновенно исчезали на солнце, оставляя лишь сухие комки бурой московской грязи.

Несколько скрюченная от жары бульварная лавочка, чуть охнув, приняла мое тело. Капающая с меня фонтанная вода шипела на асфальте. Говорят, настоящие древнекитайские поэты примерно в такое же пекло, у себя там, в тогдашнем чайна-тауне, окунали кисточки в воду и писали стихи на камнях. А потом друг перед другом выдрючивались, кто, мол, круче изобразил свою любовь к мимолетному.

Тьфу, что я сам перед собой то выдрючиваюсь! Ну, забита у меня черепная коробка всякой ерундой, неизвестно, где и как подцепленной. Стал я от этого умнее? Ни на гулькино ухо! Был бы умнее – не лежал бы как шланг в дурацком фонтане! Еще эта Голикова позвонила!

Что она вообще от меня хочет, эта Маринка?! Замужем. Работает на нормальной работе. Устраивает всякие презентации, выставки. Ну, позвонила, конечно, приятно. Любовь-то какая-никакая была! Наверное. Однажды, помнится, она мне несколько удивленно брякнула:

– А из тебя, Меркулов, оказывается, можно веревки вить!
На что я не менее горделиво ответил:

– Славная, да если мне сказать пару искренних слов, не говоря уж о сопутствующих действиях, из меня не то что веревки вить, из меня свитер вязать можно!

Чем она и успешно занимается последние годы. Вроде же и собственный муж имеется, а все равно. Периодические звонки... Типа что-то ты стал много пить! Или слышала, у тебя новая женщина появилась, о чем ты вообще думаешь?! И т. п. и т. д. Какое ее дело?! Я, получается, для нее, ну этот, чемодан без ручки, вот кто! Таскать тяжело, а бросить жалко! Все-таки она сука. Или стерва? От дуализма очевидных мыслей у меня опять загудела голова.

По бульвару с бесцельным выражением лица слонялись мамыши, волоча за собой орущих панамочных детей. Пенсионеры, соорудив на лысинах колдунские колпаки из газет, стойчески играли в шахматы. Немного отступившее похмелье, ввиду отсутствия окружающей влаги (ах, как все же хорошо было в фонтане), опять задолбило в виски.

«Что же, действительно, полезного, я сделал в жизни?! Как там, у любимой группы «Воскресение»... Я добрый, но добра не сделал никому!»

Какая чушь в голове! Раньше, по молодости лет, в аналогичном состоянии, я лишь истошно думал, как поактивней треснуть пива! А сейчас, блин, миллион терзаний по поводу стремительности бестолковой жизни. В полном безумии

я умышленно хлопал на окружающее пространство только одним глазом. Закрывать оба было страшно. Вдруг потом не откроются.

По аллее бодро шагала белобрысая девчушка, в розовом топике, голубой юбочке по самое пи-пи, и, припрыгивая и жмурясь от какой-то нечаянной радости, лизала мороженое.

Па-па-ба-пам! Да это же... Та самая проשמандовка, которая вчера свистнула у меня семьсот баксов. Вот тебе раз! И два и три! Я-то думал, что после вчерашней кромешной пьянки никогда и не вспомню, как она выглядит! Даже пытался сегодня. Ни шиша. А тут увидел, и сразу тумкнуло.

«Интересно, почему же я называл ее Элизабет Тейлор, если она совершенно белобрысая?! – подждал я, пока девушка поравняется с моим телом.

– Знать, увидел вас я в недобрый час! – сипло рванул связками я.

На полувзмахе ноги она остолбенела. Упавшее мороженое расплзлось желто-коричневой какашкой по песку.

– Бить будете?

– Пока садись. Вообще-то за такие вещи знаешь что делают?

– Знаю, – уныло хлопая ресницами, проямлила девчушка, – меня предупреждали. Но денег-то у меня уже нет. Может, я отработаю? Нет, честное слово, я отработаю!

– Ни хрена ты не знаешь! – Привычное нытье головы перемешивалось с мыслью, что злости-то на нее нет. Никакой.

Испарилась. На солнце. – Так вот, в Средние века за подобные дрючки рубили руки. Или в виде особой царской милости секли на Лобном месте при большом скоплении народа. Так что выбирай.

– Ло-обное место, а где это?

– На Красной площади! Ты из себя дурочку не строй! Хохлуха?

– Нет, нет, русская, из области. Я просто на Красной площади ни разу не была. Хотя в Москве уже считай, – она думающе нахмурилась, – семь, ой, нет, скоро восемь месяцев!

– Зовут-то как?

– Николай, вы что, совсем ничего не помните?!

– Нет, ты вообще хоть чуть-чуть соображаешь своей областной мозгой?! Если бы я что-то помнил, ты бы у меня деньги не свистнула!

– Да, да, – затараторила она, – Вероника я, Масленникова. Меня так в честь Вероники Кастро бабушка назвала. Ну, та, которая из сериала.

О господи, мне только еще сериальных дур не хватало! Вдруг мои мозги, то ли от недоопохмеленности, то ли от вспышек на солнце, отчетливо шелкнули. Масленникова. Группа «Воскресение». Нет, не то. Роман Толстого «Воскресение»! Маслова. Ну точно, Катюша Маслова. Проститутка. И этот, как его, Нехлюдов! Вот он, вот он, шанс. Шанс совершить в жизни хоть один приличный поступок! Направить девочку на путь истинный! Не буду я давать по башке это-

му ребенку! Я займусь ее просвещением, образованием, от-
вращу от... как же это слово-то ученое, а-а, прелюбодеяния.
Может, это и есть мое предназначение в жизни! Покажу ей
истинные ценности...

Внезапно проснувшийся от мозгового маразма внутрен-
ний голос забубнил:

«Какие, Меркулов, у тебя могут быть «истинные ценно-
сти»? Дурь и хмурь?!»

«Фигня, фигня, может я и сам внутренне, как ее, благо-
рожусь. Во время воспитания этой неокрепшей заблудшей
души!»

От нахлынувших похмельных чувств собственного благо-
родства у меня резко выступили слезы. Которые, впрочем,
так же быстро и высохали.

Я гордо поднялся с лавки. И от потери равновесия тут же
рухнул на нее обратно.

– Значит, так, Вероника, будем делать из тебя человека! –
как можно торжественней, но уже не дергаясь, произнес я.

– Я на анал не пойду! – испуганно пролепетала кандидатка
в новую жизнь и прижала сумочку к груди.

– Какой на хр... анал?! – взорвался я и тут же тормознул-
ся. Нельзя же начинать воспитание души с таких ужасных
грубостей. – Понимаешь, Вероника, я решил заняться тво-
им, э-э, духовным воспитанием. С бл..., пардон, с проститу-
цией, покончено! Будешь читать книжки, ходить в театры,
музеи и прочую карусель. Словом, станешь нормальным че-

ловеком.

«Как я», – хотел искренне добавить, но вовремя сдержался.

– Познакомлю тебя с интересными людьми, с их богатым внутренним миром... Сниму тебе комнату. На квартиру, пожалуй, не потяну. И ты поймешь, что Москва – это не только чужие х..., извини, э-э, как это... первичные половые признаки, но и очень красивый город. В целом.

– А, понятно, а за это я буду с тобой трахаться?!

– О господи, да при чем здесь это?! Трахаться ты будешь с кем угодно, по собственному желанию и усмотрению!

Вероника недоверчиво смотрела на меня.

– Хорошо, если так не понимаешь, скажу по-другому. Семьсот баксов уперла? Уперла. Плюс три тысячи долларов штрафа. Итого три семьсот. Денег, как я понимаю, у тебя нет. Так что делай что тебе говорят! Поняла?

Вероника грустно кивнула.

– Да не бойся, все будет нормально. Новая жизнь начинается. Для начала помоги мне доползти до одного мероприятия. Там практически цвет нации. Элита двадцать первого века. Интеллектуальная мощь страны. Рот не разевай. А то там такого напихают. Ты, хм, а, вот, точно, будешь моим пресс-секретарем! Запиши на бумажке и не забудь выучить по дороге.

Вторая глава

У входа в подворотню, где и располагался на Большой Никитской клуб «Гвозди», пошатываясь, как после многолетней спячки, мрачно стояли огромные плюшевые медведи и стреляли у прохожих сигареты. Многочисленные звездочки, снежинки и прочие сосульки с изначально порочными лицами сверкали радостными ляжками в глубине двора. Обезумевший от жары Дед Мороз, почти что из советского мультика «Дед Мороз и лето», уныло помахивал бородой. Белесая и запотевшая, как водка из холодильника, бывшая французская приживалка, а ныне писательница размахивала руками а-ля парижская реклама кабаре «Мулен Руж». Она крайне энергично что-то втюхивала двум педерастического вида мужикам. Из их оживленной беседы до меня донеслись лишь две фразы:

– Да я всего в жизни добилась потом и кровью...

– Менструальной?!

После чего пошел неразборчивый мат с обеих сторон. Столы были завалены ведерками с початой водкой и полурастаявшей ледяной жижей. В середине дворика торчала громадная елка, под которой вперемешку со сваленными пенопластовыми снеговиками валялась в хлам очередная девочка-снежинка. Ее тело с задранной юбкой соседствовало с оторванным оранжевым пластиковым морковкой-носом од-

ного из погибших псевдоснеговых чучел. Эта здоровенная морковь на фоне покоцанных белых трусиков смотрелась очень вызывающе и наводила на грустные размышления.

Я обернулся. Ко мне летела Маринка. Ее кудрявые черные волосы прыжками стучали по чему-то кружевному на груди. Вишневые глаза девушки резко переходили в черную смородину.

– Та-ак, начинается. Меркулов, ты в своем уме или в своем репертуаре?! Что это за проשמандень с тобой?

– Стоп, стоп, Марин. Успокойся. Это Вероника. Мой новый пресс-секретарь и продюсер. Ничего личного, – немного подумав, добавил я.

– Хватит врать! С каких это пор алкоголики ходят с пресс-секретарями?! И давно она у тебя типа продюсирует?

– Допустим, второй день. Помогает мне в работе. – «Над собой», чуть было не ляпнул я. – И вообще, какое твое дело, я что, к тебе с ней пришел?! Я тоже на работе, как и ты! У тебя, в конце концов, есть муж, ему мозги и полощи, я-то здесь при чем!

– Ах, вот как ты заговорил...

Между тем пьянка вокруг куролесила лютая. Люди глотали с такой интенсивностью и безысходностью, что казалось, завтра неминуемо грянет денежная реформа. На веранде, заоблачно и стремительно, как нефтяные качалки, сверкая остатками макияжа на сиськах, задирали ноги танцовщицы-снегурочки. Дедушка Мороз наконец облегченно скинул

шубу и стал довольно убедительно помахивать огромным резиновым членом, закрепленным на положенном месте.

Некоторые мужички уже откровенно ползали под столами. Периодически натываясь на пустую посуду и на не вовремя торчащие женские ноги. Все это напоминало картинку, ну, если бы слепые в глухом лесу пытались собирать грибы. Я приткнулся к какому-то столику и начал быстренько, через преодоление «не могу», набираться жидкостью. Чтобы, как и все приглашенные, почуять аромат зимней хвои и светлую тихую радость праздника детства – Нового года.

За столиком оказался мужичка, сладенький такой, ну прямо такая лапа, который с дрожью в голоске слегка блял.

– О, какое счастье, вы не представляете, какое это незабываемое чувство, ведь прошлым летом меня трахнул сам величайший актер Клаус Мария Брандауэр! Член у него, конечно, маленький, как меня и предупреждали, – продолжал лапочка. – Но я как представляю, что это был сам Брандауэр, – так и до сих пор кончаю...

Моя проклятая, сильно информированная память услужливо выдала на-гора сообщение, что в этом году в Великобритании будет принят закон об уголовной ответственности за оскорбление гомосексуалистов. До семи лет. Во избежание международных прецедентов, хватит нам Косова, я подхватил пузырь и стройной походкой манекенщицы, то есть забрасывая всраскоряку одну ногу за другую, пополз дальше. До принятия очередной дозы зелья я еще успел подумать, а

при чем здесь Косово, но волевым решением выкинул эту скользкую дребедень из головы.

Невдалеке плюгавый мужичок в коричневом костюме со значком, очень похожим на депутатский, сидел козлом на стуле. Одной рукой он дирижировал пластиком с водкой, другой как-то воодушевленно чесал себе оба уха. Вокруг собралась уже немаленькая кучка выпивающего народа. Все с нарастающим безумием в глазах слушали оратора. Хряпнув еще, я глазами поискал свою незабвенную воспитанницу. Оказалось, что все, и Вероника и Голикова, сидят перед этим старым хреном и, что самое удивительное, внимательнейшим образом его слушают.

Вообще вся сцена сильно смахивала на старенькую фотографию сороковых годов, где знаменитый ученый селекционер Мичурин рассказывает юным натуралистам о прогрессивных способах выращивания чудо-тыкв.

Начало я, к сожалению, пропустил. Я застиг его на полуслове, когда он тормознулся, чтобы поглотить водяру. При чем делал он это мастерски. Примерно так же задумчиво и утомленно пили воду где-нибудь на продолжительном докладе в ЦК КПСС в застойные годы. С шумным выдыханием, вытиранием пота носовым платком и последующим откашливанием.

– Значит, так, на чем я остановился... Ах да. Так вот, на заседании Госсовета России, ну, еще в 2008 году, после основного доклада, был еще один, секретный. Ну, как у Хру-

ща на двадцатом съезде партии, где он развенчивал культ личности Сталина. Только тут президент никого не развенчивал, а изложил суть давно интригующего всех, так называемого «плана ХХХ». Три хэ, кому как удобней. Аллюр три креста, говорил еще Гайдар. Аркадий, конечно. Не этот. А суть его заключается, ни много ни мало, в проведении летних и зимних Олимпийских игр одновременно! Причем в Антарктиде! А что, ничего дикого! Должна наша страна повернуть, наконец, телегу истории вспять! В смысле, вперед к победе. Не коммунизма, конечно. Это все партократические бредни. После краха коммунистической идеологии мы сгоряча совсем забыли о человечестве. Судьба человекoв! Обитателей, так сказать, нашей голубой планеты. Не подумайте чего плохого. Насчет половой ориентации.

Мы сдуру погасили факел прогресса и справедливости! А место факела пусто не бывает. Человечество в растерянности. А тут Россия. Натe! И летняя и зимняя Олимпиады. И тут гениальная мысль, бац – совместить. Возвратиться к античным идеалам. Свобода, равенство, братство!

– Это же лозунг Великой французской революции, – неуверенно заметил кто-то, – а там таким бардаком все закончилось...

– Да это не важно! Не придирайтесь к словам! Главное, чтобы все поняли глубинную суть. Это будут первые Олимпийские игры, готовить которые будет не какая-то определенная страна, как происходит сейчас, а все человечество.

Все страны, нации и народности! Под патронажем России, конечно. США уже не тянут на единственную сверхдержаву.

Россия возглавит движение мировых держав к всеобщему процветанию. И к Олимпиаде нового поколения! Остановятся войны. Потухнут вооруженные конфликты. Талибы возглавят Всемирную федерацию пулевой стрельбы. Тамильские сепаратисты станут лидерами в виндсерфинге. Баскские террористы будут выращивать цветы в окрестностях солнечного Бильбао и дарить их гостям всемирного праздника спорта! Ведь Антарктида – это единственный материк, на котором никогда, подчеркиваю, никогда не было не то что войн, а даже межнациональных и межрасовых конфликтов! Ввиду полного отсутствия оных. Ну, наций и рас. Ну, не живет там никто. Так, экспедиции...

При этом он почему-то явно расстроился, как будто и правда ему было очень обидно за незавидную судьбу целого материка. После чего он изучающе посмотрел на сидящую перед ним Веронику. Та в ответ истошно закивала.

Лысый слегка застопорился и повторил те же манипуляции с водкой, кряхтением и протираанием лба. После чего возобновил спич. Это уже не напоминало мичуринские бредни с юными раздолбаями, нет, скорее это был разговор удава Каа с дрожащими от страха бандерлогами. Все сидящие и стоящие вокруг как-то сразу скрючились от грандиозного размаха нечеловеческого замысла.

– Представьте, сколько финансовых и трудовых ресур-

сов потребует эта мега-Олимпиада. Это же необыкновенный толчок для развития всей мировой экономики! Одно строительство автомобильного и железнодорожного мостов через пролив Дрейка, от Огненной Земли до Антарктиды, чего стоит. Это сотни тысяч заклепок и тросов! Миллионы тонн стали! Горят мартеновские печи, и день и ночь горят они! А паромная переправа из Австралии! А аэропорты, стадионы, транспортные развязки, гостиницы, лыжные и бобслейные трассы, бассейны, поля для бейсбола и конкура, биатлона и футбола. Да много чего еще. И не сосчитаешь! Это просто квантовый скачок мировой экономики! В невиданную высь! В неслыханные дали! Не побоюсь сказать – сотни миллионов, миллиарды новых рабочих мест! Все население планеты, как сказочные папы Карлы, будет вкалывать на строительстве этой Олимпиады! Под знаменем России, конечно.

Правда, для этого в некоторых местах придется снять с континентальной части материка лед толщиной три-четыре километра, но это, право, мелочи. Можно пригласить безработных со всей Африки и Азии! Пускай долбят лед! Гастарбайтеров! Хотя на Антарктиде все гастарбайтеры, все неместные, все равны! Чувствуете, какой мощный импульс для установления всемирной социальной справедливости?! Коммунисты с их пресловутой уравниловкой и коммунизмом просто отдыхают.

Далее, в двадцать первом веке основной проблемой обеспечения жизнедеятельности людей является нехватка питье-

вой воды! А в Антарктиде ее просто невероятное количество! Девать некуда. Всем известно, что в последние годы для транспортировки углеводородного сырья все больше и больше используются нефтепроводы. Вот и можно использовать флотилии высвобождающихся танкеров для перевозки специально перепиленной в барные кубики части ледового панциря Антарктиды. Только главное – не забыть эти суда как следует отмыть. Страдающие от вековой жажды народы Африки, Индии, Австралии заплачут от восторга и благодарности России. А это означает ирригацию засушливых земель, невиданные урожаи зерновых, решение продовольственных проблем в самых мерзких уголках нашей планеты. Чувствуете перспективы?! И первые шаги к решению этой грандиозной задачи уже сделаны. Про национальный проект по нанотехнологиям, надеюсь, все знают? Так вот, он давно уже занимается разработкой особо прочных буров для ускоренного долбления этого многокилометрового льда.

Потом, вы думаете, зачем целая эскадрилья наших вертолетов во главе с самим начальником ФСБ несколько лет назад целый месяц болталась в Антарктике?! Пингвинов с руки кормить?! У таких людей этакое ху-ху просто так не делается!

– И когда же все это произойдет? – робко спросил стоящий рядом сильно потеющий бурый мишка.

– К 2022 году. К 2020 году, к двухсотлетию открытия русскими мореплавателями Фаддеем Беллинсгаузеном и Миха-

илом Лазаревым на шляпах «Мирный» и «Восток» нового континента – Антарктиды, скорее всего, не успеем. Так что – к двухсотдвадцатидвухлетию. А что, немного напряжемся, подтянем штаны, в смысле затянем пояса. И вперед!

В наступившей тишине совершенно металлически программфонил отчетливый звук – бац. Бац! Бряк! У одной из сидящих рядом дам в микромини от умственных переживаний и распахнувшегося рта неожиданно лопнула резинка от трусов, озарив окрестности клуба интимом белобрысой промежности. Кстати, подобный зияющий гландами открытый рот, не промежность, именно рот, я видел только у певца Пенкина, когда он в 1985 году на спор за червонец засовывал себе туда кулак в ресторане Дома художника. В ту же самую секунду у Маринки Голиковой от такой же отвисшей челюсти и от невиданного мозгового кровообращения лопнула лямка лифчика. И из черного кружевного декольте, как крот из норы, вылетела ввысь одна грудь. По аналогичным причинам от широко открытых глаз Вероники ее бюстгалтер сорвался напрочь целиком и объемистая областная грудь обвалилась из топика до пупка.

Окружающие сильно заинтересовались вновь открывшимися обстоятельствами. Откуда-то из нужников памяти опять вылезла информация: в достославные дикие времена жены воинов племени кимвров во время битв, чтобы вдохновить своих мужиков на отчаянную рубку, издали показывали им свои письки и сиськи. Что, мол, будете плохо биться

– все это хозяйство запросто достанется неприятелю. И те сдуру скрипя зубами шинковали противника в труху.

Здесь произошел примерно тот же эффект. Высокоинтеллектуальная беседа была жестоко стоптана в прах. Окружающие мгновенно потеряли интерес к антарктидской Олимпиаде и вперились в дамские штучки. Лысый пердун сразу расстроился, побряхтел, долбанул еще водки и куда-то пополз.

Маринка с Вероникой метнулись в туалет исправлять дефекты амуниции. Дама с белобрысой промежностью даже не шелохнулась. Лишь чуть позже небрежно швырнула на стол уже ненужную нижнюю тряпочку. Достав из сумки свежую пару тесемок и веревочек, тут же, ей-ей, практически без участия рук, одним мастерским движением таза, нацепила их на себя. И, покачиваясь, как сова на поводке, поковыляла за тем мужичком.

– Федор Михайлович, подождите, Федор Михайлович...

– Где-то я все это слышал, – задумчиво протянул незнакомый парень с телевизионным лицом. – Надо срочно передачу делать. Это же будет хит сезона. Выступишь у меня в программе, Коль? Ты был в Антарктиде? Хотя... это не важно. Расскажешь про Антарктиду, про белых медведей...

– Не вопрос. Только в Антарктиде нет белых медведей. Там пингвины. Если бы там были медведи, они бы давно сожрали всех пингвинов.

– Вот-вот, – обрадовался парень, – ты же в теме! Как же

это все-таки по-нашенски грандиозно, Олимпиаду в Антарктиде! Надо это дело как следует обмозговать.

Народ между тем продолжал квасить уже на сухую, без интеллектуальной подзарядки. Рядом со мной неожиданно сел совершенно невменяемый индивид и куда-то в сторону, в том числе и мою, воодушевленно, но нудно, плача, забубнил:

– Слушай, мужик, прикинь, когда я месяц назад был на Украине, ну, по делам фирмы, мне лично, представляешь, лично, показывали живого уткугося! Прикинь, жи-во-го!

Я хлопнул водки еще.

– А живого яйцеглиста тебе там не показывали?

В следующую секунду стоящая рядом бутылка обрушилась мне на голову.

– Ах, ты не веришь?!!! Ща я тебе...

Хорошо, что бутылка оказалась пластиковой, с минералкой. Хотя к тому моменту, чтобы свалить меня с копыт, достаточно было икнуть за соседним столиком! Я рухнул навзничь и получил дополнительный и, по-моему, ослепительный удар в затылок.

Дальше отрывочно помню, что я пытался покинуть сие заведение посредством многочисленных воздушных шаров. Кося под олимпийского Мишку и при этом бормоча шепотом как заклинание:

– До свиданья, наш ласковый Миша, возвращайся в свой сказочный лес!

Но мантра не сработала, может, я слова напутал, и улететь

мне не удалось. Потом вроде меня несли на руках. Я чувствовал себя как античный Антей, оторванный от родной земли, стремительно теряющий богатырские силы. Поэтому отчаянно барахтался и даже пытался плюнуть в моих носильщиков. Потом, по-моему, какая-то машина. Потом чья-то квартира. Потом точно помню, нет-нет, совершенно точно, была голая женщина. Причем вдоль. В смысле лежа. Да, я отлично помню ее приметы – две сиськи, одна промежность. Больше ничего определенного, как на духу, сказать не могу. Потом туман. И сон про вечный покой, который ну ни в какую не хочет радовать сердце.

Третья глава

За окном пускал слюни долгожданный московский дождик. На родном, домашнем диване мне было совсем худо. После трех бутылок пива глаза, как у десятидневных котят, начали открываться. Оставшиеся в живых мозговые извилины жалобно потрескивали никчемными дровами. Кололо где-то в боку, сбоку макушки и, главное, между ног. Осторожно, млея от страха, я заглянул в трусы. Мое слегка припухшее мужское достоинство, как и окружающее пространство, было обильно покрыто елкиными иголками.

– О... – всхлипывал я, отползая в ванную омыwać чресла, – куда же меня вчера занесло? В непроходимую тайгу, что ли?!

Запиликал телефон.

– Котя, как ты? Я согласна, – раздался задорный женский голос.

– Ошиблись. Нет тут никакого котика, – бросил трубку я.

Телефон замычал опять.

– Николай, это же я, Вероника! Ты что, все забыл?! И не хочешь больше меня, это, прере... пара... любодействовать?

От неожиданной вспышки памяти на голове статически зашевелились волосы. Господи! Господи, это же та прошмандовка, которую с бодунища я решил вчера перевоспитывать! Ну конечно, Маринка Голикова, дурацкий Новый год. Веро-

ника Масленникова! Идиотизм какой. Все равно не понятно, откуда в трусах эти чертовы иголки! Не лазил же я на новогоднюю елку?! В трусах! Хотя... Не о том думаю. Что мне теперь с этой дурой делать!

– Да, конечно, Вероник, я тебя узнал. Просто голова дико разламывается. Ну, как ты?

– Коля, мне все очень понравилось! Такие интеллигентные, интересные люди. Представляешь, меня два телеведущих, ну, известных, ты знаешь, пытались трахнуть! Так здорово! Но я не дала. Так что я полностью согласна перевоспитываться! Куда мы идем сегодня?

О, боги пустынь Каракум и Кызылкум, которые с утра гадают у меня во рту! Куда идти?! Зачем?! Тоже мне профессор Хиггинс нашелся, с этой, как ее, Элизой Дулиттл! Цветочницей. Как же эта фигня называется у Бернарда Шоу? Мюзикл называется – «Моя прекрасная леди». А как сама пьеса? «Моя прекрасная няня»? «Моя прекрасная шляха»? Ай, да ладно.

– Коля, ты чего там?

– Ничего, Вероник, все нормально, все в силе. Только давай отложим на завтра, а то я никакой. Ну, не позволяет мне конституция физическая квасить два дня подряд. Я отлежусь, отболею тихой грустью, и завтра обязательно встретимся.

– Хорошо, хорошо, котик, конечно, отдыхай. А скажи, ну куда мы завтра пойдём?

– По ленинским местам! – почему-то брякнул я и повесил трубку.

И как прикажете жить в этом мире бушующем? И что мне делать с этой малолетней шлюшкой из области? Интересно, из какой она области, я так и не спросил?! Жуть. И зачем, зачем мне все это нужно? Вдруг, то ли от зверского похмеля, то ли от предчувствия еще неведомых презентов судьбы, мне стало очень страшно. В холодильнике обнаружилось еще четыре бутылки пива. Я медленно, стараясь растянуть процесс, секунд за сорок пять, выпил две.

Как-то, еще в детстве я читал у классика, то ли у Купера, то ли у Куприна, что если во время плавания у матросов играло очко лезть на мачту, то боцман давал им напиток «стенолаз». Двести граммов водки, двести граммов пива, две столовые ложки горчицы, ложка соли и ложка перца. Все это тщательно перемешивалось и выпивалось залпом. После чего служивый, теряя страх и разум, бросался на мачту, как на падшую мулатку в порту Гонолулу!

Вот что подняло бы мне бодрость духа в эту критическую минуту. Но не хватало двух ингредиентов – водки и горчицы. Поэтому классически спасительная идея была зверски растоптана. И вообще, пить надо завязывать. Наверное. Я лег на диван в попытке сосчитать загогулины на потолке. Телефон заурчал опять.

– Ну что, привет, насильник-алкоголик. – Даже сквозь дурацкий «Самсунг» было слышно, что у Марины хорошее на-

строение.

– Привет, ну, алкоголик – это не обсуждается, а при чем здесь насильник? Любопытно даже.

– Ни фиги себе при чем?! Раздел меня, уложил в койку...

– Та-ак...

– Я сгоряча даже подумала отнестись к тебе по-человечески. А ты тупо смотрел на меня минут пятнадцать, потом поцеловал в пупок, заплакал и отрубился!

– ...Так это была ты!!! То-то я с утра вспоминал, что были груди, две штуки, и между ног тоже что-то было... Это же твои отличительные признаки, характерные... – с ужасом понимая, какой бред несусь, забормотал я.

– Какая же все-таки свинья! Ладно, проехали, не я это была, не я, шлюшка твоя новая! Сколько же можно жрать! И вообще, у меня муж есть! Все, давай. Пока. И чтобы этой малолетки я больше рядом с тобой не видела. – Классификацию металла в последней фразе Голиковой я определить уже не смог.

Ну и как жить дальше?! Я же три года бесцельно хлопал ушами, глазами, чем там еще можно хлопать, пускал сопли, слюни, мечтая в трезвых и алкогольных снах о Марине. Конечно, по совету умных друзей нужно было давно шандарахнуть ее поленом по башке и, пока теплая, волочить в койку! Но я-то так не умею! Не тот, будь он проклят, затес интеллигентщины! Поразрывать душу себе, ей, окружающим – это пожалуйста, извольте бриться. И вот когда наконец-то,

сама... Шанс. А я, естественно, невменяемый! Стоп, стоп. Она же свежезамужем. Так что ж, она еще хотела мужу изменить со мной?! Бред какой-то. Да нет, это она просто-напросто измывается надо мной. Сука. И вообще.

Ой, как это все грустно. Вранье! Но было же какое-то тело, две груди, еще чего-то... уха, по-моему, тоже два... Какой бред! А-а, ладно! Че-пу-ха! Не такая она дура, чтоб с таким уродом, как я, общаться! И тем более давать. Козлу молока. Хотя... Нет, нет, все вон. Только-только начал приходить в себя, как опять – бац...

У меня теперь другая, благородная миссия. Сверхзадача. Сверхмучача! Что же мне с этой шлюшкой-то делать?! Как их обычно перевоспитывают-то?! Поддаются ли они вообще этой, ну, дрессировке?! Помнится, в свое время лейтенант Шмидт даже женился на проститутке. И чем этот альтруизм закончился? Кучей золотушных детей, включая Шуру Балаганова и Паниковского, восстанием на крейсере «Очаков» с последующим расстрелом на севастопольском пляже «Хрусталка»! И вы хотите, чтоб я на это пошел?!

Опять захохотал над моими мыслями телефон.

– Слушай, Меркулов, ну, ты вчера устроил нам гонки на выживание! – Голос Сереги Минаева, моего бывшего сотрудника по еженедельнику «Утренний экспресс», хрипел возвышенно и взволнованно.

– Ну, давай, Серег, скажи мне еще какую-нибудь гадость. Мне теперь уже все совершенно по барабану, бубну, клав-

сину... Кстати, а мы разве с тобой вчера виделись?!

– Здра-асте!!! Ты же у меня дома вчера ночью был! Я же с Маринкой тебя из этого бардака на руках вытаскивал. А эта твоя пресс-секретарша, Вероника, что ли, вообще молодец! Как на тебя этот лох полез с посудой, она ему так от души треснула ногой по яйцам, просто заглядение!

Я погрустнел еще больше. Значит, все чистая правда. Минаев врать не будет.

– А Вероника тоже у тебя была?

– Нет, нет. Она извинилась и уехала. Такая интеллигентная девушка...

Да уж, интеллигентней некуда! Значит, у Минаева я был именно с Маринкой. И то, что она мне только что рассказывала, – жуткая реальность бытовухи! И что сказать! Позор джунглям – это слишком легковесная фраза для такой ужащающей глупости.

– Пиво пить пойдешь? – Серега продолжал активно радоваться жизни.

– Ни за что! – неожиданно твердо сказал я. – У меня завтра куча дел!

– Ну, смотри... Если чего, телефонируй.

От очевидной беззубости переживаний – а что переживать то, ничего не изменишь, – я накрылся одеялом до носа.

Вот как бывает. Раньше я думал, что пик идиотизма – это надевать свитер через голову с зажженной сигаретой в зубах! Оказывается, нет. Есть еще непокоренные вершины в

виде проститутки с последующим перевоспитанием и Марины Голиковой с рыданием над ее потерянным навеки пупком!

Мобильник опять занасиловал мозги.

– Николай, вас с телевидения беспокоят... нам сказали, что вы можете придумать разные-всякие истории. Мы тут делаем новую передачу... Хотелось бы... – лепил без остановки задорный женский голос.

– Истории?

– У нас экологическая передача. Но никак не можем подыскать нужную тональность. Не хочется банальностей. Но нужна интересная история с хорошим концом.

– Экологическая? Ну вот, смотри. История такая. В Москве появился страшный человек. Маньяк. И к тому же зоофил. Для удовлетворения своей ненасытной похоти он сотнями скупает маленьких и доверчивых австралийских волнистых попугайчиков. И зверски, в извращенной форме естественно, насилует их. Мало того, после циничного полового акта он жарит их в микроволновке и скармливает своей кошке. Такой же извращенке, как и он сам! Гринпис сбился с ног, отыскивая этого негодяя. Международные организации бьют в колокола. Австралия обращается в ООН, требует немедленных санкций и грозит приостановить экспорт попугайчиков в Россию. Но тут вступает в дело великая Оксана Стульчак, обожательница и защитница животных вообще и волнистых попугаев в частности. Которые так напоми-

нают ей о безмятежном детстве в родном Санкт-Петербурге, пардон, в Ленинграде. Но тут выясняет, что этот урод-маньяк – не кто иной, как ее старинный приятель по отдыху на Лазурном берегу, продюсер известной поп-группы... Ну и так далее.

На том конце бросили трубку. А что, по-моему, неплохой сюжетец-то. Мне нравится.

Я открыл пива еще. И правда, идея-то отличная с попугаями! Я даже представил себе захватывающий боевик на эту тему. С размахом. Со съемками под водой и в космосе. Например, подельником этого маньяка может быть американский астронавт. Который провозит партию птичек, минуя таможню, через космос. Взлетает он в Америке на шаттле с грузом контрабандных попугаев. Пристыковывается к МКС, там с ними волюндается, а потом возвращается с товаром уже на российском «Союзе». С приземлением в Казахстане, на Байконуре. Там казахские перекупщики, ну и так далее. А в Америку, на мыс Канаверал, живая контрабанда попадает из Австралии на подводных лодках, через разветвленную сеть «Аль-Каиды». Которую в этом регионе возглавляют колумбийские партизаны, в свое время учившиеся на моряков-подводников еще в Советском Союзе. Замечательно!

Я пытался немного оклематься после нервотрепки и похмелья. Зачем мне звонили, кто это был?! Какие такие попугайчики?! Что я нес?! Где-то когда-то прочитал, что от такого дикого бодуна русские люди спасались через держание

ног в тазике с горячей водой и горчицей. Может, я много читаю?! Черт бы подрал эту горчицу! Второй раз за утро вспоминаю! Ну нет ее у меня! Поэтому, напустив в тазик кипятка, я обреченно бухнул туда кетчуп – какая-никакая, а все же приправа.

«А вдруг это не от похмелья, а, к примеру, от геморроя? Может, я чего напутал?!» – болтал уже ставшими рачьими ступнями в тазике.

Жара постепенно сходила на нет. Все бы было хорошо, но с Голиковой как-то уж совсем по-скотски получилось. И что я теперь ей скажу?! А зачем, собственно говоря, мне вообще чего-то говорить?! Сама замуж вышла, а теперь мозги полощет. Звонки идиотские день через день, с узнаванием о трудностях похмельного синдрома и сиюминутной личной жизни. Да проживем без всяких там стервозин!

От отчаяния и безалаберности бытия, прямо посреди дня, я тревожно засыпал. В детстве меня до умопомрачения пугала одна иллюстрация в книжке Андерсена «Снежная королева». Там на картинке, до сих пор помню это буйство волшебных красок, та самая королева, пролетая, заглядывает в окошко домика, где жили Кай и Герда. Такое огромное лицо, не вмещающееся в оконную раму! Жуть! Сейчас, по прошествии сорока с чем-то лет, в похмельной белке, в проеме моего окна на Ленинградке, кровожадно скалило зубища громадное лицо Оксаны Стульчак. Хохоча, она задевала шнобелем за форточку. Мгновенно выступивший посталкоголь-

ный пот утопил меня в забытьи.

Четвертая глава

У входа в зоопарк суетились и ревели мелкие. Вероника стояла у забора и, профессионально шныряя глазами, лизала мороженое.

– Котик, я здесь!

Я инстинктивно оглянулся.

– Слушай, барышня, если еще раз услышу этот словесный понос про «котика», удавлю! Какой я тебе к чертям «котик»?!

– Ну-у, я думала, тебе нравится. А как мне тебя называть, дядя Коля, что ли?!

Тут задумался уже я. Действительно, как ей меня называть? Я же, можно сказать, при исполнении. При перевоспитании. Ой, какой дурак.

– А сколько же тебе лет, девушка?

– Восемнадцать! Уже.

Ну, на внучку она не тянет! Хотя если бы я родил в двадцать... Куда ее определять?! В дочки, что ли? Матери! Гребаные.

– Короче, называй меня просто Колей. А-а, зови как хочешь!

– А почему в зоопарк? Нет, конечно, здорово, я всю жизнь мечтала. Но ты же обещал по ленинским местам?!

Я и сам не знал четкого ответа на этот лобовой вопрос,

поэтому начал издалека:

– Видишь ли, – я уже закупил ей очередную партию мороженого, видимо, она не мыслит своего существования без лизания чего-либо, – когда то давно, еще почти до твоего рождения, я работал в телевизоре, мы снимали какой-то бред про засилье коммунистов. Так вот, с тех пор я четко запомнил, что памятных ленинских мест в Москве аж сто двадцать четыре! Интересная все-таки штука память! Что было пару дней назад в кабаке, не помню, а чепуху про Ленина семнадцатилетней давности – пожалуйста! Я даже помню, что улица Тулинская в Москве в районе Таганки, интересно, осталось ли название... Так вот, она была названа не в честь славного города Тулы, а по одному из псевдонимов Ульянова – Тулин. Представляешь, какой маразм!

А если честно, не могу ответить, при чем здесь ленинские места. Короче, просто так. Мне до сих пор плохо. А зоопарк, потому что вот тут, сбоку, раньше висела громадная мемориальная доска, оповещающая о том, что 6 августа 1919 года Ленин выступал здесь перед рабочими.

Знаешь, я отлично представляю тот день. Наверняка это было воскресенье. Одетые в праздничные обмотки рабочие тащат своих чахоточных отпрысков в зоопарк. Ну, там, на пони покататься, бегемоту на попу плюнуть – словом, отдохнуть душой. Кругом же разруха, голод. Никаких развлечений, кроме как мобилизация в Красную армию, нет! Тут глядь, – Ильич! Между клетками с живностью мечется, кеп-

чонку в потных ладошках курочит, лицом суетится и картавит: «Социалистическое отечество в опасности! Все на борьбу с Деникиным!» А слоны, верблюды и прочие колибри – ни гугу. Причмокивают, посвистывают, некоторые даже хрюкают, но сильно не реагируют.

И тут меня осенило.

– Знаешь, Вероника, в зоопарках часто бывает, что животные живут поколениями. Получается, вот посмотри на жирафа, весьма возможно, что его прапрапрадед Ленина видел!

Вероника с уважением посмотрела на пятнистую дылду и с некоторой жалостью на меня. Прогулка продолжалась ни шатко ни валко. Вероника задорно смеялась, перебегая от клетки к клетке. Равнодушные от жары и неволи гепарды, гималайские медведи, слоны отстраненно зыркали на нас. Клеточные какаду во весь голос завидовали вольным и наглым галкам. Выпитое пиво, практически не задерживаясь в организме, вылетало сквозь кожу наружу, и я чувствовал себя собратом тюленя, который радостно-мокрый фыркал в бассейне. Я уже покатал девушку на пони и карусели, купил резинового крокодила, рассказал о двух потрясших меня в глубоком детстве фактах, связанных с посещением зоопарка.

Первое – то, что во время зоологической школьной экскурсии старшие мальчишки, хихикая, стучали веточкой по члену обалдевшей антилопы гну. И он вставал до громадных размеров, вызывая шок и трепет у одноклассниц и преподавательницы. И второе – что огромная горилла аккуратно

брала с полочки горшок, очень аккуратно гадила туда, а затем радостно опрокидывала все дерьмо себе на голову.

Если первое сообщение ничуть не удивило опытную в физиологии Веронику, то второе сильно потрясло, и она стала канючить, чтоб я отвел ее в обезьянник.

– Нет, – строго тормознул ее я. – Никаких мартышек и бабуинов! И так дышать нечем!

К тому времени от миазмов, испускаемых разными тапирами и енотовидными собаками, мне уже становилось дурно. Бьющая наотмашь жара оптимизма не добавляла. Вероника заныла, потом задумалась и сразу повеселела.

– Да, в общем-то, ничего жопораздирающего. У нас в деревне куры тоже какашки клевали! – победоносно, показывая свою осведомленность в зоологии, радостно лизнула мороженое девушка.

Я хотел было возразить, что гориллы куда более развитые существа, чем бесцельные куры, и раз они ходят на горшок, то... Но вступать в дискуссию о несовершенстве природы мне было лень, и я сказал очень строго:

– Все, хорош! Сейчас последний раз по мороженому и немедленно в район метро «Новослободская». Там есть отличнейший тенек и не менее знатный монумент Ильичу!

Что ж меня так к Ленину тянет?! Между тем тот монументик был действительно довольно примечательный. Во-первых, около него во времена былого распития никогда не дергали менты. А во-вторых, там был какой-то утерянный

сейчас дворовый уют. У крошечного, почти карманного, бюста Ленина аккуратно росли анютины глазки, ноготки и прочая милovidная хрень. Между домами тамошние обитатели соорудили небольшой огородик. Там, за игрушечным заборчиком, даже с калиткой, обитали клубники, огурцы с помидорами, перцы, неразумными кустами ветвились крыжовник и смородина. Все это напоминало давно ускакавшее детство, когда в родном Столешниковом переулке и его окрестностях, в самом центре Москвы, таких садов-огородов было пруд пруди.

Да что Столешников! Еще в начале восьмидесятых на Метростроевской улице, ныне Остоженке, в паре километров от Кремля, были здоровенные лужайки с одуванчиками и лопухами, с добрыми и бестолковыми собаками, скупающими на привязи в уличных будках. Тогда там запросто развешивали белье между огромных яблонь и были даже гуси-куры, лениво топтавшие ныне золотые сотки берега Москвы-реки. Сейчас этот районоц так и называется – «Золотая миля». Есть квартиры по сто штук баксов за квадрат. Трёхнуться можно. От безумия воспоминаний я не выдержал и по дороге купил четвертинку.

Облупленный бюст радостно сверкал свежевыкрашенной лысиной. Настроение было отличное. Тенек крайне располагал к выпиванию водки из ствола. Так, по чуть-чуть, отхлебывая, шурясь и ежась от проникновения внутрь дьявольских искорок.

Вероника щебетала о чем-то своем. Я же спокойно вращал в башке мысли. Здорово, что прошла зима, весна вот. А сейчас, хоть и жара самаркандская, но календарно все-таки конец весны. И как знатный фенолог, берусь утверждать, что зима – это дикая глухая пьянка. А вот весна – это светлая опохмелка, когда после утреннего принятия пива неожиданно голубеет небо и растрепанные от солнечного счастья воробьи вдохновенно чирикают бетховенскую «Оду к радости»!

Я вспомнил, как однажды весной, да, конечно, это было именно весной, я встретился, не доходя до иняза, со своим другом Игорем. Оба грязные, встревоженно-взъерошенные, как две болотные выхухоли, чудом избежавшие разделки на воротники. От похмелья глаза у обоих перманентно выражали недоумение. Вокруг были проплешины бурого снега, удобряемого вонючими струями прорванной канализации. На небе грязно-блеватные тучи грозили мировым катаклизмом. Мы сели на лавочку и нахохлились. В институт идти не было ни малейшей возможности. Игорь крякнул и пополз в магазин. Минут через семь мы были обладателями шипучего вина «Салют». Мы осторожно, морщась от пузырьков, глотнули. Потом еще и еще. И тогда впервые я заметил, как вокруг нас, прямо на глазах, меняется мир. По улице заспешили по своим делам люди-братья. Тучи тотчас же распахнулись, и засияло радостное солнышко. Канализационные стоки заискрились и превратились в певучие весенние ру-

чейки. Наши пожеванные лица распрямились, как у плакатных строителей коммунизма. Метаморфозы! Видимо, та мимолетная радость сиюминутных, волшебных превращений и привела меня потом к периодическим запоям. Но тот миг изменения в природе и собственном организме я запомнил навсегда.

Я глотнул водки еще. Гипсовый Ленин не подавал признаков жизни, лишь безучастно смотрел пустыми глазенками. Расслабленный организм обнаружил в башке дебильные строчки то ли из Николая Доризо, то ли из Евтушенко:

Ильич... Мне кажется, что где-то,
В том мире колыбельных снов,
Произносил я имя это
Еще до всех на свете слов.
Слова потом,
А он – вначале...

Нет, дальше не помню. Господи, какой бред! Девушка, услышав мое бормотание, встрепенулась:

– Что-что, Коль, я не расслышала?

– Ничего, и не вздумай запомнить. Хватит того, что у меня этой ересью все мозги проканифолены. Слушай, Вероник, вот я тебя не спрашиваю, как ты дошла до жизни такой. Это глупо. Я могу навскидку сообразить с десятков причин. Родителей ты, скорее всего, толком не видела. Изредка проскальзывает лишь мать. Из самых близких у тебя, наверное, толь-

ко бабушка.

У Вероники округлились до карманного фонарика глаза.

– Откуда ты знаешь?

– Да ладно, трахнул тебя, скорее всего, отчим, однажды заехавший с матерью в гости. И ты обиделась на весь мир и начала трахаться направо и налево. Или продвинутый деревенский одноклассник, а ты была в него влюблена, как белка в колесо. А он, естественно, оказался такой сволочью. Потом по проторенной дорожке потянулись другие товарищи. А однажды одна продвинутая подруга по секрету сообщила важную информацию. Что тут, дура, ты просто так всем даешь, а в Москве за это деньги платят. Ну, или что-то в этом роде. Можешь просто кивнуть, если хоть на треть я прав!

Вероника погрузилась и мотнула башкой.

– Кстати, на фиг тебе столько денег сразу, или ты еще к тому же профессиональная воровка?

– Нет, нет, ты не подумай чего такого. Я честная, – для убедительности Вероника чуть приоткрыла рот и усердно хлопала глазами, – просто, ну, обстоятельства такие. За квартиру, где мы с девчонками живем, попросили за два месяца вперед. И бабушка позвонила, угол у дома по весне поплыл, и крыша в дождик подтекает маленько. Но я отдам!

– Слышь, ты, я уже сказал, проехали. Кстати, как-то в этом роде я себе это все и представлял. Да, как у тебя с наличностью?

– Ну...

– Ясно, вот держи, тут пятнашка, особо не фуфурь, я тебе не Абрамович.

– Ой, правда, что ли? – У Вероники, по детски заблестели зеленоватые глаза. – Прямо просто так?!

– Ну не совсем... – деловито, по-хозяйски, потянулся я и отхлебнул еще немного водки, – придется отработать.

Причем, несмотря на чистоту помыслов, я все равно чувствовал себя каким-то латиноамериканским сутенером. И обязательно потным, грязным, в вонючих оранжевых носках. В зеленую полосочку.

– Что, прямо здесь? – Вероника погрустнела, но начала деловито осматривать параметры скамейки, окна и балконы вокруг, видимо, на предмет несанкционированного наблюдения за процессом.

– Дура! Я тебе книжки принес! Будешь в свободное время, чтоб на это самое, нагулянство, не тянуло, книжки читать! Потом расскажешь о прочитанном. Вот тебе чеховская «Каштанка», вот Джек Лондон «Сердца трех». Это совсем просто, дурацкий фильм с Жигуновым наверняка видела. А вот ранние рассказы Бунина, там про любовь, и вообще, язык. Да, кстати, – вдруг спохватился я, – а ты читать-то вообще умеешь? А то кто его знает, ваше поколение.

– Ты что, Коля, я очень люблю читать!

– Ну и чего ты читаешь, просто интересно?

– Как чего?! «Лизу», «Семь дней», этот, как его, клевый такой, а-а, «Отдохни!».

– Ну, все понятно. А книги-то какие-нибудь в руки брала?

– Конечно, – легко ответила Вероника, облизывая очередное мороженое, – Гюстав Флобер, «Воспитание чувств». – Продолжила нараспев: «Ее соломенная шляпка с перламутровым отливом была отделана черным кружевом. Капюшон бурнуса развевался на ветру, от солнца она закрывалась лиловым атласным зонтиком, островерхим, как кровля пагоды.

– Что за прелесть эти пальчики! – сказал Фредерик, тихонько взяв ее левую руку, украшенную золотым браслетом в виде цепочки. – Премилая вещица! Откуда она у вас?

– О! Она у меня давно, – ответила Капитанша.

Молодой человек ничего не возразил на эти лицемерные слова. Он предпочел «воспользоваться случаем». Все еще держа кисть ее руки, он прильнул к ней губами между перчаткой и рукавом».

Могу дальше, – искренне радуясь произведенному на меня впечатлению, улыбалась Вероника.

– Не надо!!!

Да-а, впечатление на меня было произведено! Дурацкое слово «неизгладимое» в этом случае было совершенно уместно. Я бы еще добавил – «ошарашивающее». Есть еще одно ценное русское выражение: «оторопь взяла!» Вот это, пожалуй, самая точная характеристика моего состояния!

В удивительном состоянии задвига я встал и довольно четким шагом направился за угол. Вероника привстала.

– Сидеть! Ждать!

Направляясь, естественно, в ближайший винный, ну, туда, через двор, направо, я пытался отмотыжить мозги: «Значит, так, эта безмозглая шлюшка из провинции читает наизусть Флобера. Так. А я пытаюсь заняться ее образованием и воспитанием. Так. Чушь какая-то!»

Полбутылки вермута я заглотил на обратном пути. Вероника, как зайчик, сидела на лавочке.

– Значит, так: вранье и прочие сказки венского леса – вон! Откуда ты взялась такая умная, что наизусть читаешь Флобера?! Я, может, и сам в детстве читал его. И даже в армии, на сержантские двенадцать рублей, в увольнении купил его собрание сочинений. Сдуру. А знаешь, как тогда хотелось пива, или этого, ну, мороженого! Но сейчас, правда, я плохо помню, о чем там речь. Так, какие-то вспышки памяти о нелегкой буржуазной жизни девятнадцатого века. Но это не важно. Мне тогда понравилось. Опять же он дружил с Тургеневым, которого я уважаю. Слушай, может, ты между делом вундеркинд и экстерном закончила литературный институт с красным дипломом?! А тут передо мной польку-бабочку под дурочку выкаблучиваешь?!

– Ой, Коленька, я не хотела тебя обидеть! Тут вот какое дело. Просто у нас в деревне, дома, у бабушки, была единственная книжка. Флобер. «Воспитание чувств». Ее бабушка на скамеечке на станции когда-то нашла. Ну и по ней, когда я была маленькой, она меня читать учила. И писать. Я с тех пор ее наизусть знаю. Хочешь, еще чего-нибудь из нее

прочитаю?

– Упаси господи! – хлебал я уже вовсю вермутянского. – Знаешь, Вероник, а все же любопытно, как же повлияло на твое падение описание дам полусвета в романах Флобера... Да-а, можешь не отвечать, и так ясно. Ничего страшного. Хотя ситуация с тобой прелюбопытная. Надо же, Флобер! Знаешь, а на меня в свое время сильно наложил отпечаток писатель Гашек со своим безумным Швейком. Когда в детстве я много болел, родная мама, чтоб не ныл, по доброте душевной читала мне именно Ярослава Гашека. Почему, непонятно. Так вот, я считаю, да уверен, что вбитые в мой нежный организм, вместе с пилюлями, строки про раздолбайство бравого солдата со своими приятелями сыграли огромную роль в моей жизни! Так что, милая Вероника, мы с тобой жертвы тлетворного влияния мировой литературы!

– Зря ты, Коля, так. Я очень люблю эту книжку.

– Да все нормально, – добивал уже литруху вермута я. Что-то в последнее время вермут какой-то подростковый стал, раз-раз, и пусто. – Все нормально, просто на самом деле я категорически не знаю, даже не представляю, как тебя перевоспитывать. И главное, зачем. И кому это нужно? Тебе? Мне? Все это попахивает таким откровенным, даже не тихим, а громоподобным умопомешательством. Понимаешь, Вероника, – я уже хлюпал носом от жалости к собственной персоне, – бывают просто идиоты, это более-менее нормально, типа ну что поделаешь! А я идиот с напором! При-

чем устаревшей конструкции. Какой кошмар!

Деловая Вероника, чувствуется все-таки провинциальная хватка выживаемости, уже выловила тачку и волокла меня к ней. Рядом с палисадником у дурацкого Ленина я жирно и точно вляпался в собачье дерьмо, обильно удобряющее газоны.

«Я себя под Лениным чищу, чтобы плыть в революцию дальше...» – вспомнились незабвенные строки Маяковского. Вот ведь глыба, вот провидец! Как он мог предугадать, что уже в XXI веке я буду пытаться очистить ботинки от собачьего дерьма прямо под памятником Ленину?!

В ту ночь я долго и нудно кувыркался на собственном диване. В затяжном прыжке между сном и реальностью надо мной громоздился каменный гость в виде Гюстава Флобера. Причем как выглядит этот самый Флобер, было не видно. Но я наверняка знал, что это он, гад.

– Во-от, Коленька, знаешь ли ты, что алкоголь сыграл громадную роль в развитии человечества? К примеру, для хирургических операций. Ну, чтобы бобо не было. Чтобы индивидуум не кончился на больничной койке, какой-нибудь доктор Боткин давал ему пару стаканов спиртяги и для надежности брякал по башке специальной колотушкой. После чего пациента можно было резать вдоль и поперек циркулярной пилой. Ну, скажи, с какой такой фантазии ты поволок барышню по ленинским местам?! Совсем с ума сбрендил?

– Господи, да отстаньте вы от меня с этой чертовой пьян-

кой, – бился в потнике я.

– Не-а, – отвечал каменный Флобер. – Как шлюх перевоспитывать, это ты первый, а как прослушать для профилактики алкоголические сказочки на сон грядущий, так сразу ножками сучить?! Вот, послушай про целебное средство от холеры: на бутылку водки – полбутылки березовых почек, настаивать один месяц. При холере пить по сто граммов каждый час до прекращения рвоты. Тут, правда, Коль, есть две неровности. Во-первых, если началась холера, то за месяц ожидания целебной настойки запросто двинешь кони. И потом, если в течение суток ты будешь жрать по сто граммов каждый час, без сна и сортира, то вместо прекращения рвоты может начаться такой блёв, что холерным вибрионам и не снилось!

– Ой, не хочу, не хочу я ничего, спать... – сквозь забытье рыдал я.

Я уже барахтался под мокрым одеялом и стонал, а мерзкий голосишко продолжал вкрадчиво нашептывать:

– Что же ты девушку Марину так обидел, нехорошо. По этому поводу скажу, что от запора помогает вино из крыжовника и смородины. Берешь спелые ягоды, заливаешь кипяченой водой. Бросаешь печеную корку, дрожжи и хмель. Когда смесь скисает, корку вынимают. Остальное выдерживают от пяти до восьми дней в тепле, затем отправляют в холод. Полезно и вкусноища.

И опухшая каменная рожа французского классика омер-

зительно зачмокала. От соблазна, смешанного с отвращением, я тоже по-обезьяньи зачмокал. И... очнулся.

Пятая глава

Я отвлеченно лежал на собственном диване и, что самое удивительное, не жрал пиво, как положено. Беспрецедентный случай. Одной рукой я кошатил личного кота, другой вдумчиво листал книгу доктора Спока «Ребенок и уход за ним». Ученый фолиант я наемни одолжил у своей подруги Маринки Шаровой. Она родила недавно малыша Митьку, и всяческой подобной макулатуры у нее завались. Так вот, Шарова на днях выдала мне потрясающую фразу:

– Заматереть – это тебе не жук чихнул!

После чего я понял, что она знает толк в методиках и проблемах воспитания, и затребовал литературу. О том, что мне предстоит воспитывать отнюдь не детей, я благоразумно умолчал. Да она и не спросила.

Причины для научной подпитки доктором Споком я для себя обосновал практически молниеносно. Во-первых, говорят, сам Бенджамин Спок никогда в жизни своих детей не воспитывал и все писал от фонаря статуи Свободы. Значит, если не воспитывал детей, то были срамные девки, а они, в сущности, как дети, ну и так далее. Такое слегка путаное объяснение, меня вполне удовлетворило. А во-вторых, Спок авторитет. Пристанут, допустим, люди: как, мол, ты воспитываешь проститутку? А я им в лоб – по Споку! И они уважительно отстанут. Кто будет меня об этом спрашивать, это

уже другой вопрос. Короче, я всю читал эту муть.

«Начинай понемногу приучать ребенка к чашке с пяти месяцев. Он просто привыкнет к тому, что молоко можно пить не только из соски, но и из чашки. Если вы впервые предложите ребенку молоко из чашки в возрасте 9 – 10 месяцев, то он, скорее всего, заупрямится и не станет пить!»

Бред какой-то! К чашке, кружке, даже к пивной бутылке моя незабвенная воспитанница приучена ой как отлично! Значит, это пропускаем. Ага, вот!

«Многие отцы с удовольствием купают своих детей перед шестичасовым или десятичасовым вечерним кормлением. Когда ребенок станет старше и будет ложиться спать не сразу после ужина, то можно купать его перед сном».

Отец! Описаться и не жить! Если бы полгода назад мне кто-нибудь попытался только намекнуть, какой ерундой я буду заниматься, убил бы на месте первым подвернувшимся под руку поленом! Папаша! Этот папаша не далее как в мае месяце пердолил дочурку без всяких угрызений совести! От Страшного суда меня может спасти только то, что я еще не знал, что это моя будущая воспитанница! Ой, какая чушь все это! Ладно, успокоился.

А может, последовать словам этого долбостука Бенджамина?! Поехать купать дочку, внучку, сучку, короче, на природу. А что?! На свежий воздух, в пампасы! Погоды отличные. И что там делать? Лежать кверху какой на грязном песке и ласково, по-отечески, хлопать соломинкой по попе Ве-

роники? А почему, собственно говоря, нет?! Хотя вот, точно, надо там заняться хоть каким-то процессом!

Например... рыбалкой! Это же процесс! Да еще какой! И благородно. Иван Тимофеевич Аксаков. «Записки об ужениии кого-то».

Точно, на «ракете» можно рвануть в Аксаково. Тут рядом от моего дома. Сел на Речном вокзале, и с легким паром! В смысле ветер в харю! Для полноты смычки с русской литературой, рыбалкой и пьянкой, куда же без нее, можно взять с собой Андрюху Годунова. Он пракакой-то потомок того Аксакова. И выпить не дурак. И вообще приличный человек. Когда трезвый. Интеллектуал. Когда помалкивает. Веронике с ним будет полезно пообщаться. Для духовного роста.

Так, значит. Кроме водки и пива для рыбалки нужна удочка. Или сеть. Есть еще красивое слово из той же серии – «бредень». Но это скорее характеристика моих мыслей за последние годы. Да, еще есть слово «динамит», тоже вроде к рыбалке имеет отношение. Но это уж браконьерство какое-то! Перед глазами вылезла передовица газеты «Завтра» про мерзопакостных демократов с названием «Браконьерство души». Автор – Проханов. Нет, все не о том.

Так, удочка у меня есть. В сортире. Лет десять, а то и пятнадцать там скучает. Приобрел ее когда-то за четыре рубля в глухом Подмосковье. Сошел однажды с бодуна на дальней станции Серебряные Пруды. Трава по пояс. И никакой цивилизации, кроме пивной. Но она замечательная. Стоит, как

положено, очередь к соску. Человек пятнадцать. И самое загадочное в том, что каждый наливающий передает последующему какой-то велосипедный насос. Я-то с похмела ну никак не мог ум с разумом сконтачить, на фига им этот насос? Пока не подошла моя очередь.

Ба! Так это же блестящая находка русского народа. Оказывается, каждый последующий гражданин качает эти дурацким насосом пиво предыдущему! Тыр-тыр, давление поднимается, и пиво – о чудо! – бежит! Хоть тоненькой струйкой, но наверняка!

Там-то я и приобрел за четыре рубля на фиг мне не нужную пластиковую трехколенку. У следующего за мной в очереди непохмеленного товарища. Ну, неудобно было. Пиво он мне уже накачал, а денег-то у него не было. Не зверь же я, в конце концов. Я и удочку-то не хотел брать! Навязали. Видимо, мужичку она тоже была ну совсем ни к чему.

Итак, удочка у меня в наличии. Я набрал телефон Вероники:

– Значит, вот что...

– Как я рада, котик... извини, Коля, как я рада тебя слышать!

– Короче, надеваем купальник и прочие походные трусы, собираемся, и через час, нет, не успеешь, через полтора, жду тебя у метро «Речной вокзал». Едем на пароходе купаться. И ловить рыбу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.